

ОТВЕТИТЬ на вопрос — где и когда музыка родилась, вероятно, так же трудно, как сказать — когда именно человек перешел от нечленораздельных звуков к связной речи. Тем не менее музыка существует у всех народов, и повсюду одинаково поэтично рассказывают люди сказки о неодолимой, чарующей силе музыки и пения.

Мифический Орфей своей музыкой завораживал не только людей и животных, но деревья и скалы. Три тысячи лет тому назад Гомер воспел слепого певца Демодока, за то, что, цоля «...музы затмили очи его — даровали за то сладкопение».

И всегда люди пытались понять, философски обосновать и художественно объяснить такое емкое понятие, как музыка. Один из великих философов древности Платон писал: «Расходящееся и не приходящее в согласие невозможно привести в гармонию. Согласие всему этому дает музыка, влагая в противоположные элементы взаимную любовь и единомыслие. С этой точки зрения, музыка является наукой об элементах любви, относящихся к области гармонии и ритма».

А вот Шекспир, категоричный, красочный:

Все, что бесчувственно, сурово, бурно, —
Всегда, на миг хоть, музыка смягчает;
Тот, у кого нет музыки в душе,
Ного не тронут сладкие созвучья,
Способен на грабеж, измену, хитрость;
Темны, как ночь, души его движенья
И чувства все угрюмы, как Эреб;
Не верь такому...

Лев Толстой, величайший художник слова, в письме к Чайковскому назвал музыку «высшим в мире искусством». Он признавал, что музыка побуждала его к творчеству. Он записал в дневнике: «Музыка есть стенография чувств».

Да, могуча, вдохновляющая сила музыки. Но познать эту мощь, испытать ее благотворное влияние на себе — не просто. Как не просто понять художника, автора произведения искусства, увидеть его замысел, испытать радость от его творчества. В музыке — особенно.

Можно прожить жизнь и остаться необлаженным — глухим к самым светлым, самым тонким мелодиям истинного искусства. На помощь приходят эстетическое воспитание и художественное образование, ибо, по известному Марксову определению, «наслаждаться искусством может только художественно образованный человек».

Ну, а как жить людям без музыкального образования? А вот так и жили! Навострив ухо к окружающему миру. Научились различать звуки по их силе, высоте и протяженности. Скажем, бьет кузнеч молотом по наковальне и постепенно начинает отягчать темпо-ритмическое разнообразие звуковых волн. Чуткое ухо человека запомнило и шепелящие птиц, в рык дикого зверя; человек подмечал громовой удар молнии, а вслед за ним многократное гулкое эхо. Человек научился лить давшие, «разноязычные» колокола, а талантливые «милостиво божьею» звонарь высекали из них чудесный «говор», волнувший сердце. Люди творили свои песни и пляски, играли на самодельных инструментах. Устоявшееся создавали из поколения в поколение. Создавались традиции, что, по сути дела, является той же школой, тем же образованием. Значение музыкальной традиции народа выразил в мудрой поговорке: «Тот, кто забыл старые песни, никогда не споет новых».

Творимый народом фольклор, в чистых своих истоках, является духовным достоянием народа. Но развивается, обогащается музыка — и содержанием, и формой. Из фольклора черпают силу те современные композиторы, которым посчастливилось стать выразителями гения своих народов. При этом замечательно то, что чем глубже, гуманнее мысль и ярче национальная форма, тем скорее их творец становится понятным, доходчивым и любимым другими народами. Таковы великие русские композиторы Таковы, скажем, Шопен и Григ, чье творчество целиком настояно на родном мелосе.

НА РАДУ с общекультурными проблемами забота о художественном воспитании народа обретает у нас все больший размах. Воспитание начинается с детства. В сотнях тысяч детских садов наши дети поют и пляшут под музыку. Все чаще в общеобразовательные школы входят музыка и пение — как обязательный предмет. У нас свыше пяти тысяч музыкальных школ и училищ, консерватории во многих городах. Они готовят не только музыкантов-исполнителей, но и музыковедов, педагогов.

И все же мы ощущаем недостаточность приобщения к искусству широких масс нашей детворы и молодежи. У нас есть развитая самостоятельность, в том числе и музыкальная. Ее охватывает великое множество очагов культуры. Но и они настоятельно требуют новых и новых кадров художественных руководителей, педагогов, требуют издания новых учебников и руководств.

В общей просветительской работе принимают участие композиторы, музыковеды, педагоги — не музыканты, которые, не жалея сил и времени, охотно отдают этой благородной деятельности. Об одном из таких энтузиастов я и хочу рассказать.

Передо мной записанные на грамплстинки шесть бесед Дмитрия Кабалевского с московскими школьниками. Кабалевский назвал общую тему этих бесед так — «О чем говорит музыка».

Все начинается с рассказа «о трех книгах» в музыке, о трех основных жанрах, из которых выросла и на которых «держится» музыка. Это — песня, танец, марш.

Солдат, маршируя под музыку, не думает, что он занимается искусством, музыкой: дети поют и пляшут, тоже не догадываясь об этом. Музыка входит в жизнь исподволь, естественно.

Но нельзя ограничиваться одними только этими «китами» в их изначальной форме, как мы не можем довольствоваться одной лишь сказкой или маленьким рассказом, как бы хороши они ни были, говорит Дмитрий Борисович, надо дойти до «Войны и мира». «Киты» являются лишь мостками в большую музыку.

В процессе беседы Дмитрий Борисович иллюстрирует сказанное игрой на рояле, он показывает, как выражают свои замыслы композиторы. И тут же он объясняет, как это важно — уметь слышать. «Не всякий, кто слушает, умеет слышать», говорит Дмитрий Борисович. — У некоторых радио бывает включено чуть ли не целый день, ухо привыкает к передачам, как к уличному шуму, перестает слышать».

Очень существенно это замечание. Слуховая память, как и память зрительная, имеет свои законы восприятия. Заключаются они, в частности, в том, что впечатления предыдущие перекрываются впечатлениями последующими. Попробуйте на одну и ту же пленку сделать несколько фотоснимков — все размажется многократной экспозицией, и вы не сможете различить, что и где

ЗАМЕТКИ
ОБ ЭСТЕТИЧЕСКОМ
ВОСПИТАНИИ

О ЧЕМ ГОВОРИТ МУЗЫКА

снимали. Вот так иные «слушают» музыку, вовсе не слыша ее. А то от нечего делать включают приемник, а там «какая-то» музыка. Выключают, так как непонятно — «...чего там играют и — зачем?» А раз непонятно, то и неинтересно.

Так музыка из великого блага превращается в огромную беду, заключает свою мысль Кабалевский, мы перестаем понимать, уважать и любить ее.

Шаг за шагом раскрывает Кабалевский перед детьми волшебные «умения» музыки. Вот, например, музыка умеет «говорить», хотя и без помощи слов.

Дмитрий Борисович обращается к примеру весьма сложного произведения — «Траурно-триумфальной симфонии» Берлиоза. Сначала — краткий и емкий рассказ о замысле. Потом ребята слышат, как на фоне симфонического оркестра тромбон, «этот длинный медный инструмент, с низким, басовым звучанием», произносит нечто вроде торжественной речи, точно оратор на трибуне. Эффект впечатления подготовлен предварительным знакомством с замыслом Берлиоза.

И еще один пример выразительности речевой интонации, на этот раз в пении. Это — «Болтуня» Сергея Прокофьева на стихи Агнии Барто. Ребята живо откликаются на текст, с юмором прочитанный Дмитрием Борисовичем, а затем и на песенку, точно «выговаривающую» интонации Болтушки. (Кстати, запись бесед — живая, и реагирование ребят, слышное на пластинках, лишь усиливает непосредственность восприятия).

Песня и речь человека не отстоят друг от друга, разделенные непроходимой пропастью, наоборот — хорошая музыка приближается к человеческой речи, а хорошая человеческая речь идет навстречу музыке, говорит Кабалевский и заключает решительным советом: «Когда мы говорим, мы должны прислушиваться — насколько музыкальна наша речь».

Беседа дает первые представления об интонации, о повышении и понижении силы звука в речи, о монотонности.

Этот краткий раздел — очень важен. В самом деле — что такое музыка слова, музыкальность слова? Прислушаемся к выразительной, хорошо произнесенной речи Любое слово, в котором больше одного слога, музыкально само по себе, так как в нем есть ударение, то есть повышение и усиление звука, что полностью соотносится с музыкой. Последовательность ударений разной силы становится костяком фразы.

Можно бубнить в одну дуду, и это будет монотон — речь на одной ноте. Обычно говорят в двух, трех нотах. Можно охватить и всю октаву, выражая, например, крайнюю степень удивления или вопроса. А разве слово не подчинено тому же музыкальному закону — ритму и темпу? А разве мажор и минор, так четко отличаемые в музыке и выражающие то, что в просторечии называем мы настроением, не столь же неотъемлемая часть выразительной речи? А разве мы не отличаем тембра голоса в зависимости от чувства и психологического состояния, выражением которых он является?

Музыка — в самом слове. Справедливо сказано. «Хорошо произнесенное слово — наполовину пропетое!» Так музыка повергает слово, из которого сама родилась...

И ТАК на протяжении всех шести бесед. О чем бы ни говорил Кабалевский — он делает это страстно и просто, интересно и убедительно. Он будит мысль, любознательность. Слушатели, даже не подозревавшие, что музыка может изображать, узнают это и убеждаются: да, это так! Вот звучит мирный, пастуший рожок в отдаленные раскаты грома, прошедшие стороной из «Фантастической симфонии» Берлиоза. Музыка изображает журчание ручейка,

взлет сверкающих фантанов, набегавшего морскую волну, рев беснующегося океана. Вот «Шехерезада» Римского-Корсакова, навеянная композитору «Приключениями Синдбада-морехода» из арабских сказок «Тысяча и одной ночи». Вот «Полет шмеля» из «Сказки о царе Салтане»: слышно, как где-то над оркестром жужжит шмель.

А Кабалевский наводит слушателя на чрезвычайно важную для постижения тайны искусства мысль о роде его видов: художник изображает окружающий его мир — воспринятый глазом, композитор — воспринятый ухом. Художник изобразит грозу. Глядя на картину, можно «услышать», представить себе дробный шум ливня, раскаты грома и молнию, полосующую небо. Ту же грозу композитор изобразит средствами музыки. Слух, восприняв ее, развернет перед нашим мысленным взором картину этой грозы. Такова связь этих двух искусств.

Еще Белинский писал, что «рецензенту надо сделаться поэтом, и поэтом великим...» Дмитрий Кабалевский, как подлинный тоэт, слагает гимн творчеству замечательного композитора нашего времени Сергея Прокофьева в двух последних беседах — пятой

и шестой. Здесь он приобщает юных слушателей к симфонической музыке, к ее еще не познанному ими сложному миру. В казавшемся блеске раскрывает он песенность, танцевальность, маршеобразность (вспомни трех «китов») таких шедевров, как «Ромео и Джульетта», как балеты из «Войны и мира» и «Седьмой симфонии», оперы «Любовь к трем апельсинам», «Семен Котко», симфонической сказки «Петя и Волк».

А как тактичен, убедителен рассказ о воплощении образа — сначала мелодией, а потом и выбором инструмента.

ВЕРТИТСЯ вхолостую умолкнувшая пластинка... Я вспоминаю, что в одной из встреч Кабалевский обещал продолжить беседу о других выдающихся современных композиторах, афористично заметив, что «кроме времени, которое ушло, есть время, в котором — живем». С нетерпением будем ждать обещанного.

Будем ждать, потому что эти беседы, адресованные школьникам, по значимости их выходят далеко за возрастные границы. Они поучительны и интересны всякому, кто задается вопросом — о чем говорит музыка? Популярность бесед тем дороже, что они рождены глубоким постижением предмета, помноженным на глубочайшую веру в силу музыки, в ее благотворное влияние на духовное развитие человека.

Станиславский говорил: «Для детей надо играть так же, как для взрослых, но — лучше». Перефразируя, я бы сказал: «Беседы велись, как для взрослых, но — лучше». Великолепная форма, в которой ведутся беседы. Кабалевский обладает даром вдохновенного, страстного и в то же время интимного рассказчика, чувства и мысли которого рождаются как бы на глазах у слушателя.

МОЖЕТ быть, довольно говорить об эстетическом воспитании, о нехватке педагогических кадров и учебников, кивать на положительный опыт работы в наших прибалтийских республиках? К сожалению, об этом приходится говорить и говорить, потому что новое поколение должно войти в жизнь с куда более высоким эстетическим уровнем, чем тот, которым мы «довольствуемся» сегодня. В наш кибернетический, космический век — в особенности.

Я не думаю, что беседы Дмитрия Кабалевского — это панацея, но среди многих и разных средств воспитания они, бесспорно, сыграют свою роль. Помимо прямого воздействия на мысль и чувство ребят, выдающийся композитор и педагог станет объектом подражания, «учителем для учителей» музыки. Не в том смысле, чтобы прямо повторять его беседы — хотя и это было бы очень полезно, — а как пример неустанного поиска еще одного ключа, которым можно отомкнуть для юных наших друзей волшебную шкатулку с сокровищами искусства.

Сурен КОЧАРЯН,
народный артист РСФСР и
Армянской ССР.